

В. В. КАПНИСТ

ВИДЕНИЕ

ПЛАЧУЩЕГО НАД МОСКВОЮ РОССИЯНИНА, 1812 ГОДА ОКТЯБРЯ 28 ДНЯ

Как грохот грома удаленна,
Несется горестна молва:
«Среди развалин погребенна
Покрылась пепелом Москва!
Дымятся теремы, святыни;
До облак взорваны твердыни,
Ниспадши грудями, лежат,
И кровью обагрились реки.
Погиб, увы! погиб навеки
Первопрестольный россос град!»
Уже под низменный мой кров уединенный
Домчался сей плачевный слух.
Он поразил меня, как в сердце нож вонзенный,
И ужасом потряс мой дух.
Застыла кровь; чело подернул пот холодный.
Как древоточный червь голодный,
Неутолима скорбь проникла томну грудь.
Унынье душу омрачило,
На перси жернов навалило
И пересекло вздохам путь.

С поры той, с той поры злосчастной
Повсюду горесть лишь мне спутницей была
И пред очами ежечасно
Картину бедств, и слез, и ужасов несла.
Постылы дня лучи мне стали.
Везде разящие предметы зря печали,
От света отвращал я зрак.
Делящих скорбь друзей, детей, жены чуждаясь,
Как вран ночный в лесах скитаясь,
Душевный в них сугубил мрак.
В едину ночь, когда свирепе ветр ревуший
Клонил над мной высокий лес
И вихрь, ряд черных туч от севера несущий,
Обвесил мраком свод небес,
На берег Псла, волной ярящейся подмытый,
Под явор, мхом седым покрытый,
Тоскою утомлен, возлег я отдохнуть;

Тут в горести едва забылся,
Внезапу легкий сон спустился
И вежды мне спешил сомкнуть.
Мечты предстали вдруг: казалось, среди ночи
Сидел я на краю огнем пожранной рощи;
Вблизи развалины пустого града зрел:
Там храма пышного разбитый свод горел:
Под пеплом тлелись огромные чертоги.
Тут стен отломками завалены дороги.
Медяны башен там, сваясь, верхи лежат
И кровы к облакам вносящихся палат.
Падающих зданий тут зубчаты видны стены;
Здесь теремы к земле поникли разгромленны,
Могилы жупеля и пепла кажут там
Обитель иноков и их смиренный храм.
Нагие горны здесь до облаков касались,
Как сонм недвижных гигантов представлялись,
Которых опалил молниеносный гром.
На остовы их там слякался гордый дом.
Тут кровля на шалаш низрынулась железна.
Хранилища, куда промышленность полезна,
Любостяжанья дочь, а трудолюбья мать,
Избытки дальних стран обыкла собирать,
Стоят опалые, отверсты, опустелы.
Голодны гложут псы здесь кости обгорелы;
На части бледный труп терзают там; а тут
Запекшуюся кровь на алтарях грызут.
Из окон, из дверей луч света не мелькает;
Под пеплом вспыхнув, огонь мгновенно потухает.
Над зданьем тлеющим курясь, только дым
Окрестность заражал зловонием своим.
И кучи сих костров, развалин сих громада
Гробницу пышного лишь представляли града.
Не слышался нигде народный вопль, ни клик;
Лишь вой привратных псов и хищных вранов крик
В сей мертвой юдоли молчанье прерывали
И слабый жизни в ней остаток возвещали.
Толь страшным, горестным позорищем смущен,
Я сам сидел как мертв, недвижим, изумлен.
Власы от ужаса на голове вздымались,
И вздохи тяжкие в груди моей спирались.
Безмолвну тишину потряс вдруг громкий треск,
И яркий озарил мои зеницы блеск.

Пристрашен, с трепетом к нему я обратился;
И зрю: чертога кров до облак возносился:
Как вихрь из адского исторгся пламень дна;
И развалившаяся граненая стена
Открыла кремленски соборы златоглавы,
Столь памятные мне в дни торжества и славы!

О, какая горесть грудь мою пронзила,
Как узнал я древню русскую столицу,
Что главу над всеми царствами вносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных!
Как ее узнал я предо мной лежащу,
На громаде пепла, среди сел возжженных,
Горесть ту несносна, сердце мне разящу,
Смертному невозможно выразить словами!
Бледен, бездыханен я упал на землю.
Слезы полилися быстрыми ручьями;
В иступленье руки к небесам подъямлю
И, собрав остаток истощенной силы,
«Боже всемогущий!—возопил я гласно,—
Ах, почто несшел я в мрак сырой могилы
Прежде сей минуты гибельной, злосчастной!
Где твоя пощада, боже милосердый?
Где уставы правды, где любви залого?
Как возмог ты град сей, в чистой вере твердый,
Осудить жестоко жребий несть столь строгий?»

Едва в неистовстве упрек,
Хулу на промысл я изрек,
Гора под мною потряслася.
Гром грянул, молний луч сверкнул,
Завыла буря, пыль взвилася,
Внутри холмов раздался гул,
Подвигнулись корнями рощи,
Разверзлась хлябь передо мной,—
И се из недр земли сырой
Поднялся призрак бледный, тощий.
Покрыв высоки рамена,
Первосвященническа риза,
Богато преиспещрена
От верха бисером до низа,
В алмазах, в яхонтах горя,

На нем блистала, как заря,
Чело покрыто митрой было,
Брада струилася до чресл.
Потупя долу взор унылый,
На пастырский склоняся жезл,
Стоял сей призрак сановитый.
Печалью вид его покрытый,
На коем слезный ток блистал,
Глубокое души страданье,
Упреки и негодование,
Смешенны с кротостью, казал.
Виденьем грозным пораженный,
Едва я очи мог сомкнуть,
Как мертвы, цепенели члены,
Трепещуща хладнела грудь,
Дыханье слабо в ней спирая,
Лежал я страхом одержим.
Вдруг призрак, жезл ко мне склоняя,
Вещал так гласом гробовым:
«Предерзкий! Как ты смел хулу изречь на бога?

Карающая нас его десница строга
Правдивые весы над миром держит сим
И гневом не тягчит безвинно нас своим.
Ты слезны токи льешь над падшей сей столицей;
И я скорблю с тобой, увь! скорблю сторицей.

В другой я вижу раз столь строгий суд над ней:
Два века к вечности уж протекли с тех дней,
Как в пепле зрел ее сарматами погранну;
И, чтоб уврачевать толь смертоносу рану,
Из бездны зол и бедств отечество изведь,
На жертву не жалел и жизни я принесть.
Исполнил долг любви. Но и тогда, как ныне,
Не столь о гибельной жалел ее судьбине,
Как горько сетовал и слезы лил о том,
Что праведным она наказана судом.
Дерзай; пред правдой дай ответ о современных:
Падение они сих алтарей священных
Оплакивают все и горестно скорбят,
Что оскверненными, пустыми днесь их зрят;
Но часто ли они их сами посещали?
Не в сходбища ль кошунств дом божий превращали,

Соблазн беседою, неверием скверня?
Служители его, обету изменя,
Не о спасенье душ, о мзде своей радели,
Порока в знатности изобличать не смели
И превратили, дав собой тому пример,
В злоподражание терпенье чуждых вер;
Молитва, праздник, пост—теперь уж все химеры,
И, с внешности начав, зерно иссякло веры,—
Начто ж безверному священны алтари?
Правдивый судия рек пламеню: «Пожри!»
И пламень их пожрал,— и, днесь дымяся, храмы
Зловерию курят зловонны фимиамы.
Но обратим наш взор.—Тут пал чертог суда:
Оплачь его,— но в нем весы держала мзда;
Неправдою закон гнетился подавленный.
Как бледны жесткие повапленные стены,
Так челы зрелися бессовестных судей.
Там истина вопи, невинность слезы лей;
Не слышат и не зрят: заткнуты златом уши;
Взор ослеплен серебром. Растленны лихвой души
Не могут истины вещанию внимать.
Там злу судья — злодей; возмездник татю — тать,
Крепило приговор ехидно ябед жало,—
И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.
Над падшими ли здесь чертогами скорбишь?
Иль гнезд тлетворных в них роскоши не зришь?
В убогих хижинах похитя хлеб насущный,
Питала там она сластями жертвы тучны.
Вседневны пиршества, веселий хоровод
Сзывали к окнам их толпящийся народ,
В мраз лютый холодом и голодом томимый
И с наглостью от сих позорищ прочь гонимый.
Когда, на лоне нег лежа, Сарданапал
В преизобилии богатства утопал
И, сладострастия испивши чашу полную,
На легкий пух склонясь, облекшись в мягку волну,
Под звуком нежных арф вкушал спокойный сон,
О старце, о вдове заботился ли он?
Хоть пенязь отдал ли, хоть лепту он едину,
Чтоб в скорби облегчить их строгую судьбину?
Призрел ли нищего? От трапезы крохой
Он поделился ли с голодной сиротой?
Нет,— в недоступном сем для бедного чертоге

Не помнил он об них и позабыл о боге,
Который с тем ему вручил талант сребром,
Чтобы, деля его, умножил мзду—добром.
Но он на роскошь лишь менял дары богаты,—
И, в пепле падшие, их погребли палаты.
Зри в слабых сих чертах развратные сердца,
И справедливый чти над ними суд творца.
Но в граде ль сем одном развраты коренились?
Нет, нет; во все концы России расселились;
И от источника пролившееся зло
Ручьями быстрыми повсюду потекло:
Как в сердце остроты недужные скопленны
Влияньем пагубным все заражают члены.
Повсюду и порок и слабости равны;
И души и умы равно отравлены.
Заботы, доблести и предков строги нравы:
Алканье истинной отечественной славы,
Похвальны образцы наследственных доброт—
В презрение, в посмех уж ставит поздний род.
Мудрейший меж царей, потомок Филарета,
Сей вырожд из умов и удивленье света,
Невинно ввел меж вас толь пагубный разврат;
Целебный сок по нем преобразился в яд:
Российски просветить умы желая темны,
Переселял он к вам науки чужеземны,
Но слепо чтившие пути бессмертных дел,
Презрев разборчивость благоискусных пчел,
Широкие врата новизнам отворили
И чуждой роскошью все царство отравили.
Вельможи по ее злопагубным следам,
Смесьясь с языками, навывкли их делам
И, язвой заразя тлетворною столицу,
Как мулы, впряглися под чужду колесницу,
На выи вздев свои прельщающий ярем,—
За то карает бог Москву чужим бичом.
Но ободрись: господь сей казнью укротился
И в гневе не в конец на вас ожесточился.
Восстань и отложи тебя объяввший страх,
Мой сын! Судьбу врагов читай на небесах».
Тогда, подняв меня он сильною рукою,
На ноги трепетны поставил пред собою.
Едва смущенный взор я к облакам возвел,
Внезапу дивное явление узрел:

Носимый облаком на юге,
В златом, пернатом шишаке,
В чешуйной, серебряной кольчуге,
С блистающим мечом в руке,
Мне некий витязь представлялся.
Свирепым вид его казался:
Ярчее молнии лучей
Сверкало пламя из очей.
Налегши тягостию тела
На черну тучу, он летел.
Пред ним вдруг буря заревела,
Сгущенный вихрем снег белел.
Вдали его предупреждали
Два призрака: из них один,
Как некий зрелся исполин,
Змеи в руках его зияли,
Взор грозный наносил всем страх.
Другий же бледностью в чертах
Страдальца вид казал сляченна,
Болезнью, голодом изнуренна.
Они сокрылись в мрак густой:
Там слышались победны клики,
Сражающейся рати крики,
И томный раздавался вой.

«Ты зришь,— мне с кротостью вещало привиденье,—
России торжество, врагов ее паденье.
То щит отечества, его военный дух
Пожарский, ревностный сотрудник мой и друг,
Летит вслед извергов, оставивших столицу.
Он мстительну на них уже вознес десницу.
Пред ним свирепый мраз, страх бледный, тощий глад
На истребление враждебных сил спешат.
Уж в бегстве гибельном, их лютостью томимый
И гневом Божиим невидимо гонимый,
Неистовый гордец, забыв позор и стыд,
Окровавленной им дорогой вспять бежит.
На каждом он шагу народну месть встречает;
Рать сильна, рать его толпами низлагает;
И кровью буйного упьется русский меч:
От острия его не может он утечь.
Тогда в свою чреду сей мира нарушитель,

Сей бич вселенная, Москвы опустошитель,
Покажет царствам всем, простерт у наших ног,
Сколь в гневе праведном велик российский бог;
Сколь истинен в судах над нами справедливых
Отец раскаянных, каратель злочестивых».
Так рек; и, пастырски надвершием жезла
Коснувшись моего пристрашного чела,
Исчез. Внезапу гром по небу прокатился.
Объятый трепетом, от сна я пробудился
И Гермогена в сем видении познал:
Надеждой скорбному он сердцу отдых дал.
Утих бурливый ветер; луна над мной блистала,
В дрожащих Псла струях себя изображала.
Восхитилась мысль, и вспламенился дух.
Казалось, старца речь еще разила слух,
Еще по воздуху слова его носились.
Неволею тогда уста мои открылись,
Воображением я в будущем парил
И, в полноте души, с восторгом возопил:

«Дерзайте, россы! Гнет печали
С унылых свергните сердец:
Враги пред нами в бегстве пали,
Победы нам отдав венец.
Рассыпаны строптивых силы!
Воззрите на сии могилы,
Устлавшие бегущих след;
На обгащенные кровью реки:
Над ними поздни узрят веки
Трофей наш,— мщенья и побед.
Неправды спеющих дорогой
Творец наш гневом посетил;
Но бич, орудье казни строгой,
Над нашей выею сокрушил.
На суд ли вышнего возропщем?
Никак; но в умиление общем
Благодаренье воздадим
За милосердную пощаду,
Что яростному не дал аду
Нас зевом поглотить своим.

Теперь, несчастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд:

Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И, на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь.
Престанем чуждым ослепленьям
Развратам и предубежденьям
Подобострастно дани несть.
Отечество ждет нашей дани.
Протоптаны врагом поля,
Прострем к убогой братье длани,
Избыток с нею наш доля;
Взнесем верхи церквей сожженных;
Да алтарей опустошенных
С весной не порастит трава;
Пожаров след да истребится,
И, аки феникс, возродится
Из пепла своего Москва!»

1812

НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

Высокомерный дух, смирися!
Склони взнесенный буйства рог!
Внемли прещенью и страшися:
«Противится гордыне бог».
Игралище всемогуща рока,
Не мни: нет власти, счастью срока.
Се меч над выею уж висит.
Се край отверзся небосклона;
Зри вдаль: там прах Наполеона
В пустыне каменистой скрыт.

Пришлец,— свободныя державы
Главой он был, пленив сердца.
Почто ж чрез умыслы лукавы
Искал он царского венца?
Почто, воздев злату порфиру,
Всеобщим самовластьем миру
Безумно угрожать хотел? —

Се казнь; и жрец всеалчный страсти,
Предела не познавший власти,
Ничтожества познал предел.

Так с юга вихрь поднявшись бурный,
Погибель наносил странам;
Застлавши прахом свод лазурный,
Размчал он жатвы по полям;
Коснулся зданий—зданья пали;
Ударил в лес—древа трещали,
И ниц полег дремучий лес:
Все буйным он громил стремленьем;
Но вдруг,—с сильнейшим разъяреньем,
В столп взвился к небу — и исчез.

Исчез и славы метеора
Блестящий луч так в миг один!
Где верх торжеств, там верх позора:
И в узах—грозный властелин!
Какий преврат! простой породы,
И всем безвестный,—юны годы
Едва средь брани протекли,—
Уж равного не зрел он боле;
На велелепном сел престоле
И жезл приял судьи земли.

К подножью ног счастливец пали
Народы, царства и цари:
Цари от взора трепетали;
Мечом решая мир и при,
Он все подверг убийств законам;
Ступал по раздробленным тронам,
И след трофеями устлал;
Но манье вышнего десницы —
И с громоносной колесницы
Строптивый победитель пал.

Давно ли на гиганта с страхом
Взирал весь изумленный мир?
Престолы покрывались прахом
И вретищами блеск порфир.
Все рушила десница люта;
Но грозна сблизилась минута —

И тот, кто троны все потряс,
Преткнулся, шед в победном лике;
И роковой царей владыке
На севере ударил час.

Бежит он по снегам стезею,
Окровавленный им,—и росс
Могущей дланию своею
Низринул страшный сей колосс.
Вотще отважная измена,
Надеждой буйной ослепленна,
Опять на трон его взвела:
Он пал—судьба его свершилась,
И в трон тирана превратилась
Кремниста средь морей скала.

Куда ни обращал он очи,
Безбрежну зыбь везде встречал;
Постылы дни, бездремны ночи
В унынье мрачном провождал;
Терзали дух воспоминанья;
Престол, победны восклицанья,
Все было, как призраки сна;
Пробудок — ссылочна пустыня,
И в ней смиренная гордыня
Жива навек погребена.

Теперь там труп титана кроет
Лишь персти чужеземной горсть,
И в черепа останки роет
Презренный червь, гробницы гость;
А тень, блуждая вкруг могилы,
Лишь воплей слышит гул унылый
И клятвы жертв убийств, крамол:
Потомство клятв сих не забудет
И в нем Наполеон пребудет
Бессмертен слухом буйств и зол!..

Вожди надменны! вразумитесь!
Он был пример вам и глава;
Священны всем сердцам страшитесь
Насильством нарушать права.
Чем боле счастье вас ласкает,

Тем неприметней приближает
К стремнине, с коей должно пасть.
Судьба к неправде буйной строга:
Вам срочна власть дана от бога;
Его всевечну чтите власть.

1822